

Еще раз о Лысенко.

Очередной, прославляющей Трофима Лысенко статьей отметилась ныне и газета «Культура». Видно запас газетных кумиров поисчерпался, что понадобилась эксгумация этой одиозной в мире науки фигуры. Как личность Лысенко, конечно, не гений и не шарлатан, и даже не злодей, он типичное порождение своей эпохи, можно сказать олицетворение той тоталитарной государственной системы, которая его выдвинула на руководство сельскохозяйственной наукой. Как ученого его мало бы, кто знал и ценил, если бы не личная поддержка вождя и не порожденная ими обоими «лысенковщина» как административно-идеологическая линия диктата и навязывания своих лженаучных истин и методов всему научному сообществу. Опровергать их в то время было опасно, немало ученых поплатились за это отлучением от работы, а кто и заключением в тюрьмы. Были и такие, кто заплатили за верность своим научным взглядам и принципам жизнью. Среди них академик Н.И. Вавилов. К ним, конечно, пристегнули политические и уголовные обвинения, но неприятие лысенковских псевдонаучных установок и аракчеевского, по определению одного известного ученого, стиля руководства наукой сыграло главенствующую роль в их судьбе. И причастность к их судьбе самого Лысенко несомненна для тех, кто изучал этот вопрос.

Что касается мнимых или подлинных научных заслуг Лысенко, то опровергать их как-то уже не хочется, слишком много уже было на эту тему написано и сказано очень авторитетными и серьезными в мире науки людьми. Пожалуй, наиболее примитивным газетным утверждением его заслуг является то, что «страна забыла о том, что именно Лысенко в голодные годы Великой Отечественной войны догадался сажать верхушки клубней картофеля: это спасло жизни сотням тысяч, если не миллионам, советских людей». Ну, во-первых, догадались задолго до него, картофель вегетативно размножаемая культура, его можно размножать всеми частями растений, включая клубни. Можно даже очистками, если в них имеются глазковые почки. А, во-вторых, кто считал этих спасенных во время войны, когда спасение было делом рук самих голодающих. В блокадном Ленинграде самым эффективным способом размножения картофеля было разведение его отводками клубневых ростков.

На фоне уже не первой пролысенковской публикации, возникает грустная мысль, что их авторам дорог и важен не сам Лысенко, в идеях и работах его, как и противостоящей ему генетической науке, очень мало сведущих и разбирающихся. Авторы, очевидно, гложет ностальгия по тому времени, времени культа личности и имперского величия. Есть немалые запросы по наведению авторитарного, жесткого порядка и в обществе. Многие не жили, но как-то соскучились по диктатуре в стране, по идеологизированной и цензурированной культуре и науке, Отсюда стремление воскресить в исторической памяти и вновь поднять на пьедестал фигуры Сталина, Дзержинского, ну и Лысенко, конечно. Если они были столь значительны, велики, значит так ничтожны были все их жертвы, в том числе и ученые с мировой известностью. Не поэтому ли наряду с новым возвеличением Лысенко, появились публикации, откровенно принижающие и даже хулящие Вавилова. Советский период истории России был действительно связан с великой победой в войне, взлетами в космос и другими достижениями, но и с большими бедами и испытаниями в жизни народа, общества, принесенными политикой государственной власти. Не это ли привело, в конечном счете, к распаду советской империи, на защиту которой некому было встать. Народ потерял веру в ту утопию, на которой его воспитывали и внушали ему столько лет. На смену пришли времена не лучшие, можно сказать вшивые, но хотя бы не столь лживые. Стремление вернуться в прошлое, возродить его кумиров, думается, безнадежно, а главное неразумно. Нельзя забывать, во что оно нам всем обошлось, помнить какой ценой вырвались из его пут. Не надо путать новое молодое поколение, оно, думается, в свете современных

научных знаний разберется само, кто есть кто, и стоит ли Трофим Лысенко воскрешения и тех славословий, которыми одаривает его ныне официозная пресса.

И последнее, очень странно и даже обидно, что автор данной профессионально неквалифицированной и очень небрежно написанной статьи носит фамилию Иогансен, если она не псевдоним, а подлинная. В. Иогансен (с двумя н) настоящий классик генетики, который ввел в науку понятие ген, генотип, фенотип. Наверное, ему было бы очень неловко и стыдно за однофамильца, если бы он прочел этот газетный опус, восхваляющий человека, который все это отвергал.

Эрнст Трускинов
доктор биологических наук